

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.45.1>**ДЕЙКСИС И ТАКСИС В ПРОСТОМ ОСЛОЖНЁННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ**

Научная статья

Долженко Н.Г.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-4147-2595;¹ Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (dng25101961[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена описанию неоднозначного, многослойного и многоаспектного временного пространства простого осложнённого предложения. Цель: выявить значение как абсолютного, так и относительного времени, представить комплексную природу и синкретичный характер выражения таксиса и дейксиса в нетрадиционных осложнённых моделях русского предложения. Анализ выражения времени, таксиса и дейксиса разноструктурными средствами языка в их системных отношениях подтверждает тезис не только о семантическом, но и грамматическом (структурном) осложнении рассматриваемых предложений. Впервые в аспекте темпоральной семантики проанализированы конструкции с дуплексивами (членами двойной зависимости) и таксисные отношения в предложениях с объектным и целевым инфинитивом, где также обнаружено семантическое и грамматическое осложнение.

Ключевые слова: пропозиция, модель, время, дейксис, таксис, дуплексив, инфинитив, осложнённое предложение, темпоральная семантика, аспектуальное значение, основное \ дополнительное предикативное ядро.

DEIXIS AND TAXIS IN A SIMPLE COMPOUND SENTENCE

Research article

Dolzhenko N.G.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-4147-2595;¹ Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

* Corresponding author (dng25101961[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to describing the ambiguous, multilayered and multidimensional temporal space of a simple compound sentence. Aim: to identify the meaning of both absolute and relative time, to present the complex nature and syncretic nature of the expression of taxis and deixis in non-traditional compounded models of the Russian sentence. The analysis of the expression of time, taxis and deixis by different and structural linguistic means in their system relations confirms the idea of not only semantic, but also grammatical (structural) complication of the sentences in question. For the first time in the aspect of temporal semantics the constructions with duplexes (members of double dependence) and taxis relations in sentences with object and target infinitives are analysed, where the semantic and grammatical complication is also observed.

Keywords: proposition, model, tense, deixis, taxis, duplex, infinitive, compound sentence, temporal semantics, aspectual meaning, main/additional predicative core.

Введение

Типология русского предложения в современном русском языке опирается на различные показатели и признаки. Выделяя тот или иной тип предложения следует учитывать системный характер как языка в целом, так и грамматической системы в частности. На наш взгляд, необходимо учитывать семантические, логико-семантические, коммуникативные и функционально-конструктивные показатели. Осложнённое простое предложение в современной системе форм и типов занимает особое место, которое до сих пор при глубоком и многоаспектном изучении остаётся не до конца изученным.

Методы и принципы исследования

Методологической основой нашего исследования являются труды по общей семантике, семантическому синтаксису и грамматическому значению (D. Creissels [8], M. T. Shopen [11], V. S. Храковский [12] и др.). Важным представляется известное учение об абсолютном и относительном значении времени, размышления о временном дейксисе и таксисе (В. А. Плунгян [7]), работы по аспектуальности и её функциональных и логико-семантическим особенностям в различных языках (В. Comrie [9]; A. Fabregas, R. Marin [10]).

В нашей статье используется ономато-семасиологический принцип, который предполагает изучение и описание конкретных явлений языка «от семантики к средствам ее выражения» и «от средств выражения к их семантике» [3, С. 15]. Привлекается также описательный метод, приёмы трансформации и элементы реконструкции релевантных синтаксических моделей.

Обобщение выражения темпоральности в осложнённых предложениях проведено на материале сборника рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-Январе». Достаточно большое количество используемых автором конструкций представляют собой в том числе нетрадиционные осложнённые модели простого предложения.

Основные результаты

Простое предложение в современном русском языке может получать такое логико-смысловое и функционально-формальное осложнение, которое представлено особыми конструкциями (многие из них можно квалифицировать как обороты). Данные компоненты способны представлять добавочное высказывание и выражать дополнительное предикативное значение т. е. являться носителем добавочной пропозиции и дополнительного предикативного ядра. В последние десятилетия были выделены и описаны специальные осложняющие модели простого предложения [5], [1], [4] и др. Наиболее продуктивные из них:

1) предложения с **целевым инфинитивом**: «*Все сбегаются сюда погреться*» [2, С. 40]: инфинитив обозначает дополнительное событие ради которого совершается основное действие (чаще всего обозначающее движение, состояние);

2) предложения с **объектным инфинитивом**: «*Вы там хорошие слова говорили. Хорошо учиться просили*» [2, С. 67]: инфинитив репрезентирует второе событие, добавочную ситуацию, которая обозначает суть волеизъявления, выраженного основным предикативным ядром;

3) предложения с **членами двойной зависимости (дуплексивами)**: «*Селесте шла последней*» [2, С. 115]: имена прилагательные и существительные обозначают пассивный признак на фоне активного, выраженного глаголом-сказуемым, см. подобные примеры: *Девочкой она была мила и резва; Я запомнил его молодым* – ещё А. М. Пешковский размышлял над такими конструкциями. Явно, что выделенные компоненты на фоне основных действий (основной пропозиции и основного предикативного ядра (Селесте шла, она была мила и резва; я запомнил его) выражается дополнительная ситуация (добавочная пропозиция и потенциальное предикативное ядро: Селесте была последней; тогда / когда она была девочкой; когда он был молодым);

4) предложения с **оборотами из девербативных и деадъективных существительных с зависимыми словоформами**: «*Вопреки моему жгучему желанию, не остановилось моё сердце*» [2, С. 17]. Мы полагаем, что в данном случае имеет место выражение добавочной пропозиции и потенциальной дополнительной предикативности (все эти предложения характеризуются как полипропозитивные с элементами дополнительного предикативного значения): между двумя самостоятельными событиями устанавливаются логические отношения уступки.

Все перечисленные компоненты являются носителями добавочной пропозиции (ещё одного события, ситуации) и могут выражать разные временные значения. Анализу этих значений посвящена данная работа.

В нашем исследовании мы опираемся на учение о временном дейксисе (времени, временной дистанции) и таксисе. По мнению В. А. Плунгяна, «в связи с тем, что время в естественных языках мыслится линейно, т.е. как вектор (направленный из прошлого в будущее), временная ориентация сводится к указанию относительной хронологии двух ситуаций на оси времени: описываемой ситуации Р и ситуации речевого акта (т. е. того момента, когда говорящий сообщает о Р)» [7, С. 264]. Результатом является каноническое представление о времени в языке: «категория временного дейксиса... может включать не более трёх граммем: ситуация Р совпадает во времени с моментом речи, ситуация Р предшествует моменту речи и ситуация Р следует за моментом речи; их общепринятые названия – *настоящее, прошедшее* и *будущее* время соответственно» [7, С. 265]. Вполне закономерен следующий вывод: «несмотря на кажущуюся простоту определения трёх граммем категории времени, в приведённых формулировках ... скрыт целый ряд нетривиальных проблем...» [7].

Соответственно значительное число проблем касается выражения временного значения (темпоральной перспективы) в простых предложениях, включающих в свой состав осложняющие конструкции, в том числе и вновь выделяемые, нетрадиционные.

Мы полагаем, что темпоральность (временная перспектива) осложняющих конструкций характеризуется пусть относительно, но всё же в определённой степени вполне самостоятельным значением. Осложнение проявляется не только на семантическом, но и на структурном (формальном) уровнях. Именно с такой характеристикой можно рассматриваемые конструкции определять как полипропозитивные с элементами полупредикативности, или в иной терминологии с дополнительной (скрытой, латентной) предикативностью.

Например, достаточно сложна темпоральная характеристика предложений с девербативами и девербативными оборотами: «*Я улавливал в очаровывающей музыке Твоих слов и вздохи ласкового моря, и шелест осенних листьев в прибрежном лесу, и серебряный звон таёжного родника*» [2, С. 12] – основное действие имеет грамматическое значение прошедшего времени (*улавливал* – суффикс *-л-* в современном русском языке является однозначным показателем прошедшего времени). В целом в произведении речь идёт о событиях, уже прошедших. Однако события, репрезентируемые девербативными оборотами, обозначают действия с более широкой временной перспективой: действия происходят постоянно (шумит и вздыхает ласковое море, шелестят листья и звенит таёжный ручей). На линейной оси времени действия совпадают и относятся ко времени до момента речи на обозначенной оси, но девербативы в силу своей грамматической природы (номинация события в отвлечении как от лица, так и времени) представляют действия более широкого временного плана по сравнению с прошедшим временем глагола *улавливал*. Ср.: я улавливаю / буду улавливать вздохи ласкового моря, шелест осенних листьев и звон таёжного ручейка // то, что вздыхает ласковое море, шелестят осенние листья, звенит таёжный ручей – данные трансформации показывают возможность различной интерпретации временной характеристики (темпорального пространства) каждой из представленных ситуаций. Точнее, временная характеристика основного предиката может иметь в данных примерах чёткие грамматические показатели настоящего, прошедшего или будущего времени, время девербативного оборота относительно, определяется на фоне времени основного действия, однако логика событий и показания трансформации указывает на то, что дополнительное событие (добавочная пропозиция) может быть охарактеризовано как настоящее постоянное. Можно провести параллель с темпоральной характеристикой сложного предложения. Ср.: Я знаю (знал, буду знать), что Земля вращается вокруг Солнца – время главного предложения имеет также грамматические (морфологические) показатели одного из трёх значений времени глагола, в то время как придаточное предложение

обозначает настоящее постоянное, т. е. событие, которое происходит постоянно, независимо от конкретного времени первой ситуации.

Обратимся к проблеме относительного выражения времени, дейксиса и таксиса в рамках одного простого предложения: «**В слабом отблеске уличных фонарей и бледного света из немногих светящихся окон он казался особенно древним и таинственным**» [2, С. 183]: Дом таким казался в то время, когда светили немногие окна и бросали отблеск уличные фонари – абсолютное время глагола – сказуемого (дейксис) прошедшее, относительное значение (таксис) характеризуется временной одновременностью (грамматическим значением одновременности).

Далее рассмотрим каждую из обозначенных выше конструкций – нетрадиционно выделяемых осложнённых моделей простого русского предложения.

Время дополнительного предикативного ядра, добавочного высказывания, как отмечалось выше, как правило, проявляется на фоне общей временной характеристики простого предложения. Важно указать, что в простом осложнённом предложении находит выражение грамматическое значение одновременности и разновременности. Для рассмотрения данного аспекта мы используем понятие таксиса. Этот термин был введён Л. Блумфилдом и активно употреблялся другими авторами, в частности Р. О. Якобсоном, среди современных учёных его рассматривает В. А. Плуныгин в качестве категорий, «которая в семантическом плане очень близка категории собственно времени (или «абсолютного» времени ...), но, в отличие от последнего, полностью лишена дейктического компонента. Это означает, что граммема таксиса выражают одновременность, предшествование и следование не по отношению к моменту речи, а по отношению к любой ситуации, эксплицитно или имплицитно заданной контекстом...» [7, С. 271]. Заслуживает особого внимания последующее рассуждение исследователя о «нефинитной» модели выражения таксиса, в которой «для выражения таксиса используются специализированные глагольные формы, которые обычно не выражают граммем (абсолютного) времени и в синтаксическом отношении являются зависимыми от той глагольной словоформы в предложении, которая как раз и выражает абсолютное время. С морфолого-синтаксической точки зрения такие зависимые таксисные формы являются адъективными (т. е. «причастиями») либо адвербиальными (т. е. «деепричастиями»)» [7, С. 271]. К данному перечню мы добавляем ещё инфинитив, деадъектив и девербатив, которые также являются «нефинитными» формами и проявляют такую же временную зависимость в рамках предложения или текста, однако с тем отличием, что у этих форм нет формальных грамматических показателей темпоральности (как у причастия времени, и у деепричастия вида). Обозначенный аспект способствует, по нашему мнению, тому, что они могут быть более автономными в выражении и передаче значения времени. Мы солидарны с позицией О. А. Митиной: «В передаче темпоральных отношений плана прошлого могут участвовать языковые средства, не имеющие самостоятельной темпоральной характеристики, но включающиеся во временной план, обозначенный другими средствами» [6, С. 344]. Приведём следующие примеры: «**Разве что доля вины есть в уничтожении Знаменской церкви в этом селе?**» [2, С. 60] – общая темпоральная семантика предложения характеризуется как совпадающая на временной оси с моментом речи: значение времени формально является настоящим – форма глагола быть – есть – репрезентирует настоящее время, девербатив с зависимой словоформой – девербативный оборот «уничтожение Знаменской церкви» - представляет событие, произошедшее гораздо раньше – по смыслу представлена цепь и последовательность взаимосвязанных событий, где одно каузирует (мотивирует) другое.

Обсуждение

Представим подробнее каждую из приведённых выше моделей.

1. Предложения с целевым и объектным инфинитивами.

В данных конструкциях опираемся на логическую последовательность представленных событий и грамматические показатели значения времени основного предиката, так как сам **инфинитив** таковых показателей не имеет. Например: «А потом закончилась война, и я поехал **учиться в Ленинград**» [2, С. 52]; ср.: поехал, чтобы учиться; обозначая потенциальное действие, выражая ирреальную модальность, логически событие, представленное инфинитивом, устремлено в будущее (когда-нибудь после, потом, в будущем). Тут возможны следующие варианты:

Поехал учиться.

пр.вр.   пр.вр. / буд.

Поезжает учиться.

наст.вр.   буд.вр.

Поедет учиться.

буд.вр.   буд.вр.

Ср. конструкцию, в которой **целевой инфинитив** вынесен за рамки основного высказывания, являются парцелированным компонентом, актуализирующим представленное потенциальное действие: «**Поздним сентябрём он попросился со мной на рыбалку на слияние Иртыша и Оби. Подышать воздухом и посидеть у костра**» [2, С. 178].

Предложения с **объектным инфинитивом** также демонстрируют многослойность временной перспективы. Например: «**Но что-то всё не давало нам воссоединиться, прикоснуться друг к другу**» [2, С. 176]; «**Дайте человеку выступать**» [2, С. 143] – объектный инфинитив выражает соответственно действие объекта, которого, как правило, побуждает к действию субъект. Действие, обозначенное инфинитивом, всегда будет следовать за побуждением, репрезентируемым глаголом сказуемым.

Не давало воссоединиться

пр.вр.   пр.вр.

Не даёт воссоединиться

наст. вр.   буд. вр.

Не будет давать воссоединиться

буд. вр.   буд. вр.

Соответственно в подобных конструкциях последовательно проявляется следующее таксисное значение: время (потенциальное), грамматически не выраженное инфинитивом, логически соотносится с грамматическим временем (абсолютным) основного глагола – сказуемого и логической последовательности на линейной оси времени всегда представлены два неодновременных события.

Таким образом, сочетание, переплетение таксисных и дейксисных отношений в рассмотренных конструкциях подтверждает сложность временного значения данных предложений и безусловно свидетельствует об осложнённости (как семантической, так и грамматической) рассматриваемых моделей предложений.

2. Предложения с членами двойной зависимости (дуплексивами).

Конструкции, включающие члены двойной зависимости (**дуплексивы**) также не имеют грамматических показателей темпорального значения, так как это в основном имена существительные, имена прилагательные и причастия, которые одновременно связаны как со сказуемым (предикатом), так и с подлежащим (субъектом), либо дополнением (объектом). Однако идею времени они передают достаточно определённо: «И в этой дрёме привиделось ему, как в детстве, в полувековом военном прошлом, **парнишкой** почти с ноготок, со старым отцовским дробовиком... ранним осенним утром шёл на своего первого глухаря» [2, С. 51] – когда был парнишкой, шёл на своего первого глухаря. Таких примеров в сборнике оказалось мало, для объективности приведём близкие сконструированные предложения: *Она вернётся усталая* – когда вернётся, она будет усталая – данный творительный заключает в себе явную временную характеристику, хотя важнее здесь его двойная зависимость (от предиката и от субъекта или объекта). Следует отметить важность семантики глагола-предиката в данном случае, так как именно она помогает отметить автономность временного значения дуплексива. При глаголах бытия / существования, движения, физического действия и эмоциональной деятельности наблюдается совпадение временных планов двух ситуаций: «В палатке она **была одна**» [2, С. 165]; «Семья у него была в Сургуте, **здесь он жил один**» [2, С. 202]. Жил / живёт / будет жить один; «А **Марине стало неловко и она притворилась спящей**» [2, С. 143] – Марина притворяется спящей / Марина притворялась спящей / Марина будет притвориться спящей; ср. также релевантные конструкции: Иду (шёл / пошёл, буду идти / пойду) расстроенный и грустный; Ребёнком он был мил и резв; Работала весёлая и одержимая; Улыбнулась окрылённая и т.д. – два обозначенных события происходят одновременно. При глаголах восприятия возможно как совпадение, так и не совпадение временных планов: «**Марина считала его добрым**» [2, С. 144]. Запомнил её молодой и красивой – одновременность и Помню её молодой и красивой: при будущем / настоящем времени основной ситуации добавочная характеризуется скорее всего прошедшим значением – запомню/помню, когда она была молодой и красивой.

3. Предложения с девербативными и деадъективными оборотами.

Конструкции с девербативным и деадъективным оборотом представляют довольно сложное и разнообразное выражение темпоральности. Мы солидарны с мнением учёных: «Категории таксиса и аспектуальности являются глагольными (вербальными) семантическими категориями, репрезентирующими идею времени. Межкатегориальный синкретизм функционально-семантических категорий (полей) таксиса и аспектуальности, объединённых в единый поликатегориальный семантический комплекс, отражается в языковой репрезентации различных аспектуально-таксисных категориальных ситуаций, актуализируемых в высказываниях с предложными девербативами немецкого, русского, нидерландского и английского языков» [3, С. 16].

Рассмотрим примеры: «И бессмысленную весть **о твоём уходе** тоже получил по телефону» [2, С. 134]; «Теперь живу **ожиданием той, другой жизни**. И свою кончину восприму с **тихим ликованием**...» [2, С. 138]. Действия, представленные глаголом – сказуемым и девербативным оборотом, характеризуются вполне конкретной темпоральной семантикой. В первом предложении выражается временная последовательность: весть об уходе (девербатив от глагола *уйти* в значении умереть) любимой пришла после того, как это случилось (при общем значении прошедшего времени). Во втором предложении выражается – действия происходят одновременно: живу и ожидаю (при значении настоящего времени в целом в предложении). Выше мы подробно описали сложность и многослойность темпоральной семантики подобных предложений. Важно ещё раз подчеркнуть, что выделенные обороты являются носителем реального события, которое чётко локализуется во времени и может выражать как грамматическое значение одновременности, так и значение разновременности, следования ситуаций друг за другом.

Такие же сложные комплексы темпоральных отношений, значений одновременности и следования наблюдаются и в предложениях с деадъективами и деадъективными оборотами. Деадъективы и девербативы в данном отношении близки.

Ср. примеры: «И в ушах стояла **звонящая тишина**. Казалось, весь мир надолго замер и прислушивается к тишине. Слушали **тишину** молодые сосны в снегу, дома в снегу, земля в снегу и низкое осеннее небо» [2, С. 127] – в данном случае ситуация тишины (деадъектив от прилагательного *тихий*) совпадает с ситуацией её восприятия.

«По-моему, ты тоже тогда почувствовала **неотвратимость этого**. Поняла **неотвратимость любви, неотвратимость судьбы**» [2, С. 125] – ты поняла, что это (**есть, будет**) неотвратимо; неотвратима любовь, неотвратима судьба - три ситуации. Семантика слова *неотвратимость* (от *неотвратимый*) предполагает локализацию этого признака в будущем / настоящем, когда основное действие по грамматическим показателям глагола – сказуемого имеет ретроспективную локализацию и обозначает действие далёкого прошлого.

«...чтобы согреться **после пронизывающей сырости реки, первым делом затопили крохотную баньку**...» [2, С. 126] – в данном отрезке три события: два реальных (на реке сыро, погода сырая – первая ситуация; затопили баньку – вторая ситуация) и ирреальное – чтобы нам согреться третья потенциальная ситуация, обозначающая цель второго события. Эти ситуации следуют во времени последовательно при том, что они находятся в сложных логических отношениях: первая ситуация (сырость на реке) мотивирует вторую (затопили баньку), которая имеет целеустановку, обозначенную третьей ситуацией (чтобы согреться).

Предложения с девербативами и деадъективами (одиночными и в составе оборота) достаточно широко представлены в сборнике рассказов Е.Д. Айпина и играют важную роль в репрезентации времени как одного из персонажа данных рассказов.

Данные наших наблюдений обобщаем и представляем следующую таблицу с примерами рассматриваемых нами конструкций, извлечённых из сборника рассказов Е. Д. Айпина:

Таблица 1 - Выражение грамматических значений одновременности / неодновременности в простом осложненном предложении

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.45.1.1>

грамматическое значение одновременности	грамматическое значение неодновременности \ разновременности
1. Предложения с объектным и целевым инфинитивом:	
	«С трудом заставил себя подняться, отряхнуться от обманчивого тепла» [2, С. 51] «И приказал мне отвести её к телефонистам...» [2, С. 167]
2. Предложения, включающие в свой состав члены двойной зависимости:	
«И на сей раз проворный Лёва с гитарой первым подкатил к новенькой» [2, С. 169] Первой , конечно, я заметил Селесте [2, С. 114]	Помню себя ребенком .
3. Предложения с девербативными и деадъективными оборотами:	
«А в танце это мгновение вздрага и взлёта нужно продлить и сохранить до самого последнего звука музыкального ритма» [2, С. 112] Но я сразу уловил необыкновенную хрупкость этого мгновенья счастья » [2, С. 12] « В зелень ельников и сосняков вплетались золотистый огонь карликовых берёзок и нежная светлость оленьего ягеля на склонах гор» [2, С. 22]	«Ещё до полёта в бездну , на зыбкой грани между жизнью и смертью, были ружейные стволы, нацупавшие жертву» [2, С. 37] « После осмотра фабрики нас по кривым, немощённым улочкам повели вглубь бедного квартала» [2, С. 114] Я вздрогнул от неожиданности » [2, С. 14] «Он почти уже смирился со своей обречённостью , но для себя хотел многое прояснить» [2, С. 61]

Заключение

Таким образом, подведём итоги.

1. Предложения, включающие в свой состав инфинитивные конструкции – объектные и целевые инфинитивы, являются полипропозитивными с элементами предикативности. На фоне основного, зачастую реального события выражается добавочное, характеризующееся ирреальным модальным значением.

2. Соответственно, каждое подобное предложение репрезентирует сложную, многоаспектную картину времени: реальное время основного события и устремлённое в будущее дополнительное событие.

3. Предложения с дуплексивами, девербативами и деадъективами репрезентируют многообразную картину своего временного пространства, представленного разноуровневыми средствами языка.

4. Представлена комбинация дейктических и таксисных отношений, результатом чего является сложная темпоральная перспектива рассмотренных конструкций и явно осложнённый характер данных предложений как на логико-семантическом, так и формальном, функционально-конструктивном уровнях.

Благодарности

Автор статьи выражает благодарность рецензентам.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Acknowledgement

The author expresses their gratitude to the reviewers.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке / П. Адамец. — Praha: Univerzita Karlova, 1978. — 160 с.
2. Айпин Е. Д. Река-в-январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. — СПб.: МИРАЛЛ, 2007. — 208 с.
3. Архипова И. В. Таксис и аспектуальность: межкатегориальный синкретизм / И. В. Архипова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2021. — Т. 7. — № 1. — С. 13–25.
4. Грабе В. О полупредикативной конструкции и второстепенной предикации / В. Грабе // Языкознание в Чехословакии. — М.: Прогресс, 1985. — С. 232–254.
5. Лекант П. А. Виды предикации и структура простого предложения / П. А. Лекант // Лингвистический сборник МОПИ им. Н. К. Крупской. — М.: МОПИ, 1975. — Вып. 4. — С. 70–80.
6. Митина О. А. Семантика аористичности прошедшего современного в русском языке и её реализация в английском / О. А. Митина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Вып. 12. — С. 341–345.
7. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику / В. А. Плунгян. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 384 с.
8. Creissels D. Syntaxe générale, une introduction typologique / D. Creissels. — Paris: Hermes Sciences, Lavoisier, 2006. — Vol. 1. — 412 p.; Vol. 2. — 334 p.
9. Comrie B. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems / B. Comrie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976. — 142 p.
10. Fabregas A. The Role of Aktionsart in Deverbal Nouns: State Nominalizations across Languages / A. Fabregas, R. Marin // Journal of Linguistics. — 2012. — Vol. 48. — № 1. — P. 35–70.
11. Shopen T. Language Typology and Syntactic Description / T. Shopen. — Cambridge: Cambridge U. Press, 2007. — 499 p.
12. Xrakovskij V. S. Typology of Iterative Constructions / V. S. Xrakovskij. — LINCOS Studies in Theoretical Linguistics (Vol.4), 2008. — München: LINCOS Europa. — 545 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Adamets P. Obrazovanie predlozheniy iz propozitsiy v sovremennom russkom yazyke [Formation of Sentences from Propositions in Modern Russian] / P. Adamets. — Praha: Univerzita Karlova, 1978. — 160 p. [in Russian]
2. Aypin E. D. Reka-v-Janvare. Sbornik rasskazov [River-in-January. Storybook] / E. D. Aypin. — Saint-Petersburg: MIRALL Publ., 2007. — 208 p. [in Russian]
3. Arkhipova I. V. Taksis i aspektual'nost': mezhkategorial'nyy sinkretizm [Taxis and Aspectuality: Intercategorical Syncretism] / I. V. Arkhipova // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki [Scientific Result. Questions of Theoretical and Applied Linguistics]. — 2021. — Vol. 7. — № 1. — P. 13–25. [in Russian]
4. Grabe V. O polupredikativnoy konstruktсии i vtorostennoy predikatsii [On Semi-Predicative Construction and Secondary Predication] / V. Grabe // Yazykoznanie v Chekhoslovakii [Linguistics in Czechoslovakia]. — Moscow: Progress Publ., 1985. — P. 232–254. [in Russian]
5. Lekant P. A. Vidy predikatsii i struktura prostogo predlozheniya [Types of Predication and the Structure of a Simple Sentence] / P. A. Lekant // Lingvisticheskii sbornik MOPI im. N. K. Krupskoy [Linguistic Collection of the MOPI named after N. K. Krupskaya]. — Moscow: MOPI Publ., 1975. — Iss. 4. — P. 70–80. [in Russian]
6. Mitina O. A. Semantika aoristichnosti proshedshego sovershennogo v russkom yazyke i ee realizatsiya v angliyskom [Semantics of Aoristic Past Perfect in the Russian Language and Its Implementation in English] / O. A. Mitina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. — 2019. — Vol. 12. — Iss. 12. — P. 341–345. [in Russian]
7. Plungyan V. A. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku: Uchebnoe posobie. [General Morphology: Introduction to Problematics: Textbook] / V. A. Plungyan. — Moscow: LIBROKOM, 2012. — 384 p. [in Russian]
8. Creissels D. Syntaxe générale, une introduction typologique [General Syntax, a Typological Introduction] / D. Creissels. — Paris: Hermes Sciences, Lavoisier, 2006. — Vol. 1. — 412 p.; Vol. 2. — 334 p. [in French]
9. Comrie B. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems / B. Comrie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976. — 142 p.
10. Fabregas A. The Role of Aktionsart in Deverbal Nouns: State Nominalizations across Languages / A. Fabregas, R. Marin // Journal of Linguistics. — 2012. — Vol. 48. — № 1. — P. 35–70.
11. Shopen T. Language Typology and Syntactic Description / T. Shopen. — Cambridge: Cambridge U. Press, 2007. — 499 p.
12. Xrakovskij V. S. Typology of Iterative Constructions / V. S. Xrakovskij. — LINCOS Studies in Theoretical Linguistics (Vol.4), 2008. — München: LINCOS Europa. — 545 p.